

ИРЕНЕ КРЕКЕР

СУДЬБЫ НЕМЦЕВ РОССИИ

Ирене Крекер

**Судьбы немцев
России. Книга первая**

«Издательские решения»

Крекер И.

Судьбы немцев России. Книга первая / И. Крекер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513280-2

На основе документальных источников, свидетельств очевидцев и малоизвестных событий и фактов в книге рассказывается о судьбах талантливых людей России с немецкими корнями. Среди них — поэты Афанасий Фет, Великий князь Константин Романов (К.Р.), Марина Цветаева, Вера Аренс, режиссёр Всеволод Мейерхольд, меценат и коллекционер Э.А. фон Фальц-Фейн, переводчик Светлана Гайер и другие.

ISBN 978-5-00-513280-2

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

Поэт Фет. Немецкие корни и русская душа (1820 – 1892)	6
Роман становится драмой	7
Лишён всего – и в России, и в Германии	8
Присоединён «к роду отца»	9
Творчество	10
Волшебна музыка стиха	11
Отблески и отзвуки Цветаевских костров (К 125-летию Марины Цветаевой. 1892 – 1941)	13
Главная душа – германская	14
Написанное в огне	16
Германия – безумье и любовь	17
Цветаевские костры	19
Жизненный подвиг святого доктора Гааза (1780 – 1853)	20
Жизненный путь и творчество Великого князя Константина Романова (1858 – 1915)	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Судьбы немцев России

Книга первая

Ирене Крекер

Редактор Валентин Васильевич Кузнецов

Корректор Валентин Васильевич Кузнецов

Консультант Виктор Борисович Кудрин

© Ирене Крекер, 2020

ISBN 978-5-0051-3280-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-3283-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэт Фет. Немецкие корни и русская душа (1820 – 1892)

«Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало».

Кто из нас, тех, кто родом из России, не помнит этих строк, пронизанных светом солнца, добра и любви к окружающему миру. В какой бы части света мы ни находились, они волнуют нас, не оставляют равнодушными. С годами появляется любопытство к жизни. Вот и мне захотелось больше узнать о поэте, музыке стиха которого позавидуешь, о его детстве, мечтах, любви, отношении к жизни. Кроме того, мне захотелось разгадать тайну слов Фета:

«Я между плачущих – Шеншин,
И Фет я только средь поющих».
И вот что я узнала.

Роман становится драмой

Афанасий Афанасьевич Фет – поэт, переводчик, прозаик – родился в 1820-ом году в усадьбе Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии, а умер в Москве, в 1892-ом году за два дня до 72-х лет. Похоронен в селе Клейменове, родовом имении Шеншиных, в 25 верстах от Орла.

Его отец – Иоганн-Петер-Карл-Вильгельм Фёт (Johann Peter Karl Wilhelm Föth) – родился в Германии в 1789-ом году, умер в 1826-ом в Штаркенбурге (Дармштадт, Гессен). Он был сыном Иоганна Фёта и Сибиллы Миленс. По должности – ассессор городского суда Дармштадта.

Мать Фета – Шарлотта-Елизавета Беккер (1798 —1844) – родилась в Германии. Она – дочь дармштадтского обер-кригскомиссара Карла-Вильгельма Беккера (Carl Wilhelm Becker) и его супруги Генриетты фон Гагерн (Henriette Von Gager).

Из архивных документов следует, что родители поэта сочетались браком в Дармштадте восемнадцатого мая 1819 года (Stadtppfarrei Evangelisch, Darmstadt, Starkenburg). Там через год у них родилась дочь Каролина. А дальше действие происходило, как в хорошем романе, который для их будущего сына стал жизненной драмой. Историки пишут: «В 1820 году в Дармштадт на воды приехал 45-летний русский помещик, потомственный дворянин Афанасий Неофитович Шеншин, и остановился в доме Фетов. Между ним и Шарлоттой-Елизаветой вспыхнул роман несмотря на то, что молодая женщина ждала второго ребёнка. Восемнадцатого сентября 1820 года Афанасий Неофитович Шеншин и Шарлотта-Елизавета Беккер тайно выехали в Россию. 23 ноября (пятого декабря) 1820 года в селе Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии у Шарлотты-Елизаветы Беккер родился сын, тридцатого ноября крещённый по православному обряду и наречённый Афанасием. В метрической книге он был записан как сын Афанасия Неофитовича Шеншина». Отчим – Афанасий Шеншин (1775—1854), ротмистр в отставке, участник войны 1812 года с Наполеоном, богатый орловский помещик, сын Неофита Петровича Шеншина и Анны Ивановны Прянишниковой, был мценским уездным предводителем дворянства и уездным судьёй.

Отметим, что отец Фета, после того как его оставила жена, венчался в 1824 году вторым браком с воспитательницей своей дочери Каролины. Но вскоре умер, в феврале 1826 года, не оставив сыну, будущему поэту Фету, наследства.

Сестра поэта Фета – Каролина-Шарлотта-Георгина-Эрнестина Фёт (1819—1877) – вышла замуж в 1844 году за Александра Матвеева, двоюродного брата Афанасия Шеншина, отчима Фета. Она познакомилась с ним, когда гостила у матери в России. Однако после нескольких лет совместной жизни Матвеев оставил её, и Каролина с сыном уехала в Германию, где жила долгие годы, формально оставаясь в браке с Матвеевым. В 1875-ом году, после смерти второй жены Матвеева, она вернулась к мужу. Умерла Каролина в 1877 году в России, причём, по семейному преданию Беккеров, была убита. Во втором браке у матери поэта Фета – Шарлотты-Елизаветы с Афанасием Шеншиным – было ещё четверо детей: Любовь – 1824-го года рождения, Василий – 1827-го, Надежда —1832-го и Пётр – 1834-го года рождения.

Лишён всего – и в России, и в Германии

Помещик Афанасий Шеншин усыновил новорождённого сразу, дав ему, с согласия матери, имя Афанасий. Но венчание его с матерью мальчика произошло только в 1822-ом году. В апреле 1826-го умер в Германии настоящий отец мальчика. Шарлотта-Елизавета писала в письме к брату: «... Чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно... Попробуй, если это возможно, упрости нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребёнку его права и честь; должен же он получить фамилию...» Затем, в следующем письме: «...Очень мне удивительно, что Фёт в завещании забыл и не признал своего сына. Человек может ошибаться, но отрицать законы природы – очень уж большая ошибка. Видно, перед смертью он был совсем больной...»

В 1934-ом, когда мальчику было 14 лет, вдруг обнаружилось несоответствие в документах по усыновлению его дворянином Афанасием Шеншиным. В результате разбирательства будущий великий поэт был лишён фамилии, дворянства, права на наследство, русского подданства, стал «гессендармштадтским подданным Афанасием Фётом».

В течение всей дальнейшей жизни Шеншин (Фет – так он стал подписывать свои стихи) пытался вернуть дворянский титул. Это стало его навязчивой идеей. Закончив обучение в частном немецком пансионе Крюммера в городе Верро (сейчас Эстония), где учились только немцы, он, обладая способностями к наукам, продолжил обучение в Московском университете на историко-филологическом (словесном) отделении философского факультета, которое закончил в 1844-ом году. Но внезапно в том же году умирает его любимая мать, и он принимает решение пойти на военную службу, чтобы получить дворянский титул, поднимаясь по служебной лестнице.

В одном из писем родственнику Фет пишет: «... Все мы только люди, кусочки атласа, только какой-то растерянной и разорванной части света. Имена написаны – но где целая карта – неизвестно...» В 1846 году он – унтер-офицер. В августе 1857 году женится на Марии Петровне Боткиной (1828 – 1894) – не по любви, а из материальных соображений. В следующем году, так и не добившись возвращения себе дворянского титула, уходит в отставку в чине гвардейского штаб-ротмистра, приобретает землю и посвящает себя ведению хозяйства.

Присоединён «к роду отца»

В 1867-ом году Афанасий Афанасьевич избран на одиннадцать лет мировым судьёй. В 1873-ем уже известный поэт и состоятельный помещик Афанасий Фет напрямую обращается к императору Александру II с просьбой восстановить ему дворянский титул. Высочайшим указом отставной гвардии штаб-ротмистр А. Фет был «присоединён к роду отца его Шеншина» со всеми правами и званием. Дворянский титул был ему возвращён, но внутреннего удовлетворения он от этого уже не получил.

«С этого момента все свои письма он будет подписывать только именем Шеншина, — пишет Владимир Коровин в своей статье. — Даже метки на столовом серебре велит переделать. Некоторые (например, И. С. Тургенев) тогда сочли это признаком суетности поэта, но для него имя значило больше, чем запись в документах». В одном из писем того времени поэт обращается к жене со словами: «Теперь, когда всё, слава Богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет». Однако стихи свои Афанасий Фет печатал до конца дней своих под этим «ненавистным» ему именем.

Творчество

Ещё в юношеские годы у Афанасия Шеншина (Фета) проявился дар стихосложения. В 1840-ом году выходит в свет его первый сборник стихов «Лирический Пантеон». С тех пор он публикует произведения под фамилией Фет. Через десять лет выходит второй сборник стихов. В 1853 году, после того как его перевели на службу в гвардейский полк, расквартированный в Петербурге, поэт знакомится с Иваном Тургеневым, Николаем Некрасовым, Львом Толстым, сближается с редакцией журнала «Современник». В 1856 году выходит из печати третий сборник его стихов под редакцией И. Тургенева. Ещё через семь лет опубликовано его полное собрание сочинений в двух томах. Позже появляются циклы «Из деревни», «Записки о вольнонаёмном труде». Они включают новеллы, рассказы, очерки. Афанасий Фет является и автором замечательных стихов для детей.

Поэтический талант Фета развивался параллельно его военной службе и позже – деятельности помещика. В последнее десятилетие жизни Фета призвание берёт своё, и бережливый до скупости помещик становится певцом природы и любви. Он публикует свои новые произведения в четырёх сборниках под названием «Вечерние огни». Пятый сборник составлен поэтом, но смерть нарушила его планы.

Волшебна музыка стиха

Переводить Фета, сохраняя содержание и музыку стиха, настроение и мысли поэта – задача трудная. Сам же он решился на перевод на русский язык трагедии Вольфганга Гёте «Фауст».

По стихам Фета, посвящённым Шиллеру, Шопену, Чайковскому, Тютчеву, Тургеневу, можно сразу определить, что он жил в золотой век искусства и литературы. Творчество каждого из перечисленных классиков неповторимо, и среди них творчество Фета по праву занимает почётное место. Примером тому являются стихи, начинающиеся словами «Шёпот, робкое дыханье...» В них он кратко, с помощью поэтических образов, не применяя ни одного слова, обозначающего действие, повествует об одном из мгновений жизни.

«Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
милого лица,
В дымных тучах пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!...»

Лев Толстой высоко оценил эти строки, сказав: «Что ни слово – картина». Несколько строк, а в них весь поэт со своим земным видением, мечтами, надеждами, объединёнными образом девушки, которая находится здесь, сейчас, рядом с ним. Эти стихи, опубликованные в 1850-ом году, посвящены Марии Лазич, его любимой. «Я ждал женщины, которая поймёт меня и дождался её», – писал поэт в письме к другу. Но молодые не соединили свои судьбы. По мнению Фета, он не мог себе это позволить, не имея возможности обеспечить любимую материально. Во имя своей идеи – добиться звания дворянина, он жертвует любовью.

И опять трагедия – любимая девушка погибает, на ней загорается платье от случайно обронённой спички. Что на самом деле произошло – покрыто вековой тайной. Поэт смог пережить эту драму, но всю жизнь испытывал чувство вины. Впоследствии стихотворение «Шёпот, робкое дыханье...» было переложено на музыку композиторами М. Балакиревым, Н. Римским-Корсаковым, Н. Метнером и другими.

Используя традиционные жанры – элегию, думу, балладу, послание, Фет создаёт новый жанр, который сам обозначает словом «мелодии». Лишь несколько стихотворений он определяет как романс, но ритм многих его стихов – песенный. «Слово и звук органически слиты, стих не говорится, а поётся», – отметит критик Дмитрий Благой. – И каждая песня поётся на свой, только ей присущий мотив».

Необыкновенную мелодичность стихов Фета подчёркивал и критик Николай Страхов: «Стих Фета имеет волшебную музыкальность, и притом постоянно разнообразную; для каждого настроения души у поэта является своя мелодия, и по богатству мелодий никто с ним

не может равняться». Элементы лирики Фета – красота природы, красота любви, красота песни – гармонически слиты в его стихах в один музыкальный аккорд. Поэтому неслучайно, что на стихи Фета создано русскими композиторами более двухсот романсов. Так на стихотворение «Мой гений, мой ангел» пишет музыку Пётр Чайковский, на «Осень» – Антон Аренский, «Тихо вечер догорает» – Николай Римский-Корсаков, «В молчаньи ночи тайной» – Сергей Рахманинов, «На заре ты её не буди» – Александр Варламов.

«На заре ты её не буди
На заре она сладко так спит.
Утро дышит у ней на груди.
Ярко пышет на ямках ланит.
И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плечах
Косы лентой с обеих сторон».

Как подчёркивали Н. Некрасов, Н. Чернышевский, Л. Толстой, Н. Страхов, у Фета можно учиться чувству поэзии, восприятию и постижению прекрасного. «... Когда явился Фет, русскую поэзию взбудоражило серебро и колыханье сонного ручья... в поэзии Пастернака с неслыханной силой воспрянули... этот посвист, щёлканье, шелестение, сверканье, плеск, полнота звука, полнота жизни, половодье образов и чувств», – писал о Фете поэт Осип Мандельштам. Кто знает, в ком и с какой силой ещё отзовётся слово поэта и чарующая музыка его стиха.

Отблески и отзвуки Цветаевских костров (К 125-летию Марины Цветаевой. 1892 – 1941)

Восьмого октября 2017-го исполняется 125 лет со дня рождения Марины Цветаевой, одного из крупнейших поэтов двадцатого века. Подтверждением того являются очерки и статьи в газетах и журналах, конкурсы и фестивали, литературные чтения и концерты.

«Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами».

Кто из нас, не помнит эти слова песни из кинофильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», написанной на стихи Марины Цветаевой? Мне всегда хотелось узнать, как сложилась судьба автора этих строк. Ответ на этот вопрос я получила уже в Германии, куда моя семья переехала в 1992 году. Прошло несколько лет вживания в культуру новой страны, и вдруг, совершенно случайно, в одном из русских магазинов, нахожу желаемое – п две книги на русском языке, и они – о Марине Цветаевой – биография Анны Саакянц «Жизнь Цветаевой» и сборник её стихов. Поэтические строки сразу поразили своей искренностью, задушевностью и романтизмом воззрений.

Главная душа – германская

А через несколько лет узнаю, что во Фрайбурге существует улица – Марины Цветаевой. Меня пронзает мысль: почему в нашем городе, находящемся в глубине Шварцвальда, одна из улиц названа её именем? А когда нахожу сообщение, что с 1980-го года на здании бывшего пансионата сестёр Бринк на улице Валштрассе, 10 во Фрайбурге прикреплен памятная табличка с именем Марины Цветаевой, я, уже опираясь на текст её стихов, пытаюсь определить другие места пребывания Марины в наших краях.

Из писем и воспоминаний сестёр Цветаевых, Марины и Анастасии, узнаю, что они с матерью жили во Фрайбурге в 1904 – 1905 годах. А до этого учились в частной школе в Швейцарии, в то время как их мать, Мария Александровна Мейн, находилась там на лечении. Ивану Владимировичу Цветаеву, отцу Марины, основателю «Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете», тоже удалось в тот памятный для Марины год побыть с ними вместе. Впечатления этих лет навсегда закрепились в памяти Марины. Позже она напишет в дневнике: «Во мне много душ. Но главная моя душа – германская. Во мне много рек, но главная моя река – Рейн». И – неслучайно, что именно во Фрайбурге, уже в декабре 2016-го года, открылся Центр Марины Цветаевой.

«А не немкой ли была мама Марины по национальности?» – подумала я в тот момент, когда прочитала её фамилию. И вскоре нашла подтверждение этому факту.

Оказывается, корни деда и прадеда сестёр Цветаевых по материнской линии уходят в родословную богатых прибалтийских немцев. Далеко я не смогла в неё заглянуть, но теперь знаю, что Даниил Мейн, прадед Марины, был участником Тульского ополчения в войне 1812 года. А дед, Александр Данилович Мейн, был знаком со Львом Толстым и бывал у него дома. Он известен, как издатель «Московских губернских новостей», директор Земельного банка и коллекционер. Заинтересовали меня и сведения о том, что бабушка по линии матери Марины Цветаевой – польская дворянка, Бернацкая Мария Лукинична. Она умерла рано. Это обстоятельство не могло не сказаться на характере дочери Марии, которая получила в доме отца строгое протестантское воспитание. Оно проявлялось в многочисленных запретах и ограничениях. Мария Александровна, мать Марины Цветаевой, позже в строгости воспитывала своих детей. По словам Марины, она унаследовала от матери «Музыку, Романтизм и Германию. Просто Музыку. Всю себя». В эти слова «всю себя» входят и – трудолюбие, и даже педантизм, свойственные немцам. В автобиографии Марина напишет, что её «... первые языки: немецкий и русский, к семи годам – французский». С юношеских лет Марина писала по несколько часов в день, в каком бы состоянии духа ни находилась. Результат её творческого труда – семнадцать поэм, пятьдесят произведений прозы, восемь пьес, более восьмисот стихотворений и более тысячи писем.

Но вернёмся в 1906-ой год, трудный для семьи: от туберкулёза умерла мать девочек. Отец остро переживал смерть жены. Занимаясь своим детищем – Музеем, он не мог много внимания уделять детям. В такой обстановке происходило становление Марины в подростковом возрасте. Главными чертами её характера стали независимость и самостоятельность.

Лето 1910-го года Марина с Анастасией провели в Германии. Отцу поручили в Дрездене закупить картины для музея. Он взял в поездку дочерей, считая, что там они лучше научатся и ведению домашнего хозяйства, и хорошим манерам. К тому времени сёстры уже хорошо

говорили на немецком и чувствовали себя как дома в семье пастора Франца Бахмана в городском районе Лошвитц селения «Белый олень». Позже Марина напишет: «Местечко Лошвитц под Дрезденом, мне шестнадцать лет, в семье пастора – курю, стриженные волосы, пятивершковые каблуки». Она удивляется, что чинная немецкая публика даёт ей возможность быть такой, какая она есть. «Это страна свободы. Утверждаю!» – уверяет она себя и других. Эта поездка оказалась плодотворной в смысле развития её поэтических способностей. Она пишет стихи на русском и на немецком, а затем в тайне от отца публикует свой первый сборник «Вечерний альбом».

Девятнадцатилетней, Марина Цветаева выходит замуж за Сергея Яковлевича Эфрона. Он на год младше Марины. Родился в семье народовольцев Елизаветы Петровны Дурново и Якова Константиновича (Калмановича) Эфрона, еврея по происхождению, отец которого был строительным подрядчиком.

Написанное в огне

Вскоре у молодой семьи родилась дочь Ариадна, а через несколько лет вторая – Ирина, которая растёт слабенькой и болезненной. В стране – голод. Муж в армии. Она ничего не знает о нём. В какой-то период Марина остаётся без средств к существованию. Кто-то советует и помогает поместить Алю и Ирину в Кунцевский приют. Аля там тяжело заболевает. Поняв, что детям в приюте не лучше, Марина забирает старшую дочь домой в надежде, что спасёт её, выходит. Она спасает Ариадне жизнь, но в приюте умирает Ирина.

Всю жизнь ощущает Марина Цветаева чувство вины за этот свой поступок. Нерастраченную любовь переносит на дочь Алю, позже – на родившегося в Праге сына Георгия, которого звала Муром. Результатом стала безумная материнская любовь женщины, которая, однажды потеряв ребёнка, больше не способна на потери. И если такая ситуация, как с дочерью Ириной, возникла бы ещё раз, она готова была её разрешить, но теперь – только ценой своей жизни. Может, это событие и стало предвестником трагедии, случившейся в 1941-ом, отнявшей у неё жизнь.

Передо мной сборник писем Марины Цветаевой на немецком языке «Im Feuer geschrieben». Это её биография в письмах 1909-го – 1941 годов. Чем больше читаю, тем глубже погружаюсь в омут её страданий. Не в состоянии больше их выдержать, решаю на время уйти от изучения её жизни и творчества, отодвинуться, чтобы самой не впасть в депрессию.

Примерно в это время у меня состоялся разговор с сорокалетней дочерью. Когда я упомянула имя Марины Цветаевой, она с полуслова поняла моё состояние, и рассказала о том, как восприняла недавно слова проповеди, тема которой была о выборе, который предоставляется каждому человеку. Проповедник раскрывал эту тему на событиях и фактах жизни Марины Цветаевой, а закончил её словами: «И так мы, каждый из нас, ежедневно делаем выбор, право его остаётся за нами». Вы бы слышали мою дочь, когда она говорила о том, что Марина Цветаева для неё – пример в жизни: «Я много вижу общего в наших с Мариной судьбах. А мы, мама? Тоже однажды бросили всё: страну, в которой родились, вы с отцом – служебное положение, уважение коллег, какое-никакое, а нажитое добро – и отправились в Европу, на родину предков. Мне уже тогда было шестнадцать. Я помню это время, когда ты перед отъездом с утра стояла с талонами в очередях, а у нашего двухлетнего Данилки не было молока на завтрак. А как нам было в первые годы в новом обществе? Как нам эта новая жизнь досталась? А твои племянники, Андрей и Иван, ушедшие в небытие? Мы тогда приняли решение, которое и через четверть века проживания на новой родине ещё отдаёт болью». Мне осталось только подтвердить слова дочери кивком головы.

Германия – безумье и любовь

Из писем понимаю, что Марина Цветаева не приняла Октябрьскую революцию 1917 года. В 1919-ом году она делает запись в дневнике: «Франция для меня проста, Россия – трудна, Германия – подходящее место для моего духа. Это совсем моё, и я совсем его!». И ещё: «Германия – моё безумье! Германия – моя любовь.» ... «Моя страсть, моя родина, колыбель моей души! Крепость духа, которую принято считать тюрьмой для тел! ... Когда меня спрашивают: кто ваш любимый поэт, я захлёбываюсь, потом сразу выбрасываю десяток германских имён. Мне, чтобы ответить сразу, надо десять ртов, чтобы хором одновременно... Гейне ревнует меня к Платену, Платен к Гёльдерлину, Гёльдерлин к Гёте, только Гёте ни к кому не ревнует: бог!» В одном из писем тридцатых годов, пытаюсь объяснить своё прохладное отношение к Толстому и Достоевскому, она обращается к немецким истокам: «И – кажется, последнее будет вернее всего – я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания мне дороже гётевская радость, и русского метания – то уединение...».

Узнав в 1922-ом году, что муж в Чехии, Цветаева добивается разрешения – выехать к нему. На этот раз она уезжает из России на целых семнадцать лет. С девятилетней дочерью Ариадной появляется сначала в Берлине. Там они проживают в пансионате Элизабет Шмидт на Траутенауштрассе. Сейчас на доме номер 9, в котором он располагался, установлена мемориальная доска, посвящённая Марине Цветаевой.

Читаю письма Марины Цветаевой о жизни в эмиграции. Вхожу в мир её увлечений и разочарований, встреч и расставаний. В 1925-ом году, за полгода до рождения сына, она уезжает в Париж на литературные чтения и остаётся там. 14 лет жизни во Франции – большой срок. Там ею написаны строки, которые известны многим из нас:

«С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны – на карте —
Нет, в пространстве – нет. —
Выпита, как с блюда,
Донышко блеснит.
Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?»

А строки Марины Цветаевой «Той России – нету. – Как и той меня», я внесла в свой дневник жизни в первый день двадцать первого века. Тогда, в девятый год проживания в Германии, я черпала в её творчестве силу для дальнейшего жизненного пути. И тогда же задумала написать книгу «Жизнь прожить – не поле перейти». Эта моя книга всё ещё пишется жизнью, а книгу о Марине Цветаевой мы пишем сообща нашими делами, являющимися продолжением её мыслей.

В 1938 году на вопрос знакомой, действительно ли она рада будет возвратиться в Россию, Марина Ивановна Цветаева отвечает: «Ах, нет, совсем нет. Вот если бы я могла вернуться в Германию, в детство... В России теперь всё чужое. И враждебное мне. Даже люди. Я всем там чужая». Чужими на своей родине оказались и её дочь Ариадна, и муж Сергей, вернувшиеся на родину раньше её. А Марина Цветаева с сыном, после возвращения в Россию в 1939-ом году, проживает сначала в Москве, а затем в эвакуации – в Елабуге, маленьком городке в Татарской

АССР. Там она и похоронена 31 августа 1941-го года на Петропавловском кладбище. Точное расположение могилы неизвестно.

Цветаевские костры

Побудительным мотивом к написанию этого очерка стало для меня сообщение Юлия Зыслина, директора Музея русской культуры и искусства в Вашингтоне. Он поблагодарил меня за написание книги «Не забыть нам песни бардов» и сообщил о Цветаевском костре, которые проводят в Вашингтоне двадцать второй раз. Так я узнала о традиции – отмечать день рождения Марины Цветаевой на природе, у костра, с гитарой. Она зародилась более тридцати лет назад в Тарусе, небольшом городе на берегу реки Оки. Так воплотились в жизнь слова Марины Цветаевой: «Что другим не нужно, несите мне. Всё должно сгореть на моём огне!» Мне вспоминаются и другие строки Марины Цветаевой о кострах её детства в Тарусе из первой напечатанной книги «Вечерний альбом»:

«Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болота и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи.
Хорошо быть красивыми, быстрыми,
И кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И, как искры, сгореть на ветру».

Вспомнила и слова Евгения Евтушенко: «Ничто так не объединяет нас, как костёр. У него лицо наших мыслей. Костёр даёт свободу разных раздумий. Когда у костра молчишь, то всё равно разговариваешь с ним глазами, а он разговаривает с тобой потрескиванием сучьев, искрами, горьким дымом... вы одновременно говорите и слушаете друг друга...».

Наверное, поэтому костры, посвящённые творчеству Марины Цветаевой, горят сегодня не только в России – в Тарусе, в Болшеве (Королёв), и в Елабуге, но и в Америке, в Вашингтоне, а также в Германии – в Шварцвальде, на горе Тюллинген, и в Людвигсбурге, недалеко от Штутгарта. Они зажигаются сегодня не только в Берлине, Дрездене, и в Лейпциге, но и в Украине, в Австралии, в Индии. А сколько ещё Цветаевских костров, о которых мы не знаем, будят души людей разного возраста! Давайте и мы проведём Цветаевские костры, тем самым поможем проложить её творчеству путь в будущее.

Жизненный подвиг святого доктора Гааза (1780 – 1853)

«Самый верный путь к счастью – не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, – словом, любить их». Эти слова доктора Гааза дороги всем людям. Его жизненный подвиг – не в том, что он находил удовлетворение в делах рук своих, а в том, что в служении людям видел своё предназначение, выполняя свой долг перед Богом. Будучи католиком, он проложил мост через сердца людей разных религий и вероисповеданий.

Ничто на земле не проходит бесследно. 240 лет прошло со дня рождения Фёдора Петровича Гааза, а благодарные потомки и в наши дни продолжают воздавать ему должное, и не только в Москве, но и на его Родине – в Германии. В 2011 году в архиепархии Кёльна, а в 2016 году во время торжественной Мессы – в Кафедральном соборе в Москве начался канонический процесс причисления Фридриха Йозефа (Фёдора Петровича) Гааза, называемого «святым доктором Москвы», к лику блаженных.

А за год до этой Мессы, шестого декабря 2015-го года, Архиепископ Павел Пецци выпустил Указ о публичном начале Епархиального Исследования по Процессу Фридриха Йозефа Гааза (Фёдора Петровича Гааза), известного российского врача и общественного деятеля, немца по происхождению. В документе, обращенном к архиепископам, епископам, священникам, верным католикам, православным и другим верующим, владыка Павел просил располагающих ранее не опубликованными сведениями в пользу Процесса или против него, сообщить ему о таковых.

В настоящее время продолжается подготовка к беатификации доктора Фёдора Петровича Гааза в Москве, где начинался его трудовой путь как немецкого врача Фридриха Гааза (Haass). В то время в столице России было всего несколько больниц, главным врачом которых он был назначен. Сейчас в Москве 140 больничных храмов и часовен, около 100 постоянно работающих больничных священников и 500 специально обученных их помощников-волонтеров, и всем знакомы сегодня слова святого доктора «спешите делать добро».

Известно, что первое свидетельство об этом незаурядном человеке оставил юрист А. Ф. Кони, выразив своё личное отношение к нему: «Я питаю к Федору Петровичу ещё и личную благодарность за те минуты душевного умиления, которые я испытываю, описывая по мере сил и умения его чистую, как кристалл, жизнь, его возвышенную деятельность, нередко вынужденный оставлять перо под влиянием радостного волнения при мысли, что такой человек в лучшем и глубочайшем смысле слова жил и действовал среди нас».

Вот и меня, немку из России, учителя с двадцатилетним стажем в Сибири и медсестру с двадцатилетним стажем работы в психиатрии в Германии, не оставила равнодушной судьба этого российского врача, немца по происхождению. Понимаю, что не смогу сказать о нём ничего нового, но всё же ставлю перед собой задачу – изучить его биографию и через слово (биографический очерк) внести свой вклад в увековечивание памяти о нём. Мне и раньше приходилось много раз слышать о людях, творящих чудеса, работающих добровольно на благо ближнего, но судьба доктора Фридриха Гааза заставила задуматься над истоками бескорыстной самоотверженности таких людей. Меня покорило в нём то, что этот немецкий подданный, родившийся в Германии (тогда Пруссии), в маленьком городке Мюнстерайфель недалеко от Кёльна, всю свою сознательную жизнь прожил в России и посвятил себя не только разви-

тию науки, но и верному служению российским нищим и заключённым, тем самым снискав истинную любовь русского народа.

В процессе изучения родословной врача мне стало известно, что его имя Фёдор Петрович Гааз – российского происхождения, а настоящее, данное родителями при рождении в 1780-ом году, – Фридрих Йозеф (нем. Friedrich Joseph Laurentius Haass). Он родился четвёртым ребёнком в многодетной католической семье городского аптекаря Петера Гааза (Peter Haass) и матери по имени Катарина Бровер (Catharina Brower). Дед его был врачом. Позже появились на свет ещё три брата и две младшие сестры, одна из которых – Вилхельмине (Wilhelmine) – проживала с ним с 1822-го года в Москве и оставила неоценимые свидетельства о его жизни.

На основе достоверных источников удалось установить, что образование Фридрих Йозеф получил сначала в городской гимназии (Michaelsgymnasium). Там в настоящее время открыт музей его имени. С 1796 года он учился вместе с двумя братьями в Кёльне в гимназии Монтанум, затем в Кёльнском университете изучал литературу, медицину, естествознание. Его дядя, профессор Фридрих Йозеф Флорентин Гааз (Professor Friedrich Joseph Florentin Haass), преподавал там в это время курс по беременности и родам.

Меня приятно поразило тот факт, что один из потомков Фридриха Йозефа Гааза, по линии его брата, актёр и режиссёр Эрвин Гааз проживает в Москве на Покровке и очень гордится своим родством со святым доктором Гаазом, о существовании которого знал всегда. Судьба предков Эрвина Гааза тоже необычайно интересна и заслуживает достойного внимания общественности.

«Мой дед, – рассказывает он, – Эрвин Альбертович Гааз работал врачом-психиатром. Его жена, Элли, была сефардкой (испанской еврейкой. – Прим. ред.), поэтому, когда в Германии к власти пришли нацисты, дедушка и бабушка бежали в Париж, а потом по приглашению главного хирурга Красной армии Николая Бурденко перебрались в Советский Союз. Таких антифашистов, переехавших в надежде на жизнь в республике, где все равны, было много. Мой дед выучил русский и защитил диссертацию ещё раз, работал в Ивановском медицинском институте на кафедре психиатрии. Но в 1938 году его арестовали по ложному доносу и расстреляли. Вслед за ним забрали и мою бабушку. Отцу тогда было 10 —11 лет. Беспризорник, сын врага народа, немец – ребёнок получил всё, что можно: детдома, детприёмники, блокаду Ленинграда. В послевоенные годы отец стал уже достаточно взрослым, чтобы его могли арестовать, поэтому он жил под чужим паспортом. После смерти Сталина ему удалось вернуть свою фамилию, но осуществить мечту – поступить в медицинский институт – он не смог».

Вот так позже случится с этими потомками Ф. П. Гааза, но вернёмся к его биографии. В 1802-ом году он полгода изучал философию и математику в Йенском университете. Существует мнение, что именно там сформировались его гуманистические взгляды под влиянием профессора Х. Ф. Гуфеланда, который преподавал в Йенском университете незадолго до обучения там Фридриха Йозефа Гааза. Мнение Гуфеланда, что жить для других, не для себя – истинное назначение врача, – стало отправной точкой практической деятельности гуманиста и врача Фёдора Петровича Гааза. В мае 1803-го года он, по имеющимся в архивах документам, уже студент университета в Гёттингене. А в 1805-ом году работает там же над докторской диссертацией (zum Doktor der Medizin) по теме «Воздух, вода и болезни» и одновременно в Вене проходит специализацию как глазной врач. Потом почти год болеет тифом.

Судьбоносной стала для Фридриха Гааза одна встреча, которая коренным образом изменила его жизнь. В тот год в Вене оказался князь Николай Репнин-Волконский с супругой Варварой, урождённой Разумовской. Гвардейский офицер и наследник двух знатнейших фамилий был ранен во время знаменитой атаки кавалергардов под Аустерлицем, где он командовал эскадром. Без сознания он попал в плен к французам, затем оказался в лазарете. Каким-то чудом к нему сумела пробраться его супруга, находившаяся при армии. Французы разрешили ей остаться и ухаживать за раненым мужем. Когда князь окреп, Наполеон отпустил пленников, передав через князя личное послание к царю Александру I. Супруги Репнины возвращались в Россию через Вену, где у князя обострилась проблема с глазом, поврежденным во время боя. Тогда-то ему и порекомендовали молодого доктора Гааза. Мало того, что доктор удачно провёл операцию, они ещё и подружились. В итоге, Фридрих Гааз получил от Репниных предложение поехать с ними в Россию и стать их семейным врачом.

В 1806 году, в возрасте 26 лет, Фридрих Гааз оказался в России, в абсолютно незнакомой ему стране, где обрёл вторую родину и через несколько лет признание со стороны тысяч благодарных людей разного социального положения, национальностей и вероисповеданий.

После Указа царицы Екатерины Второй 1762-го года не было ничего особенного в том, что немецкий врач едет работать в Россию. Тогда тысячи немцев уезжали туда в поисках счастья. Среди них были и мои исторические предки. Переехав в Россию, они сохраняли немецкое гражданство, по закону освобождались от военной службы и от налогов. В Россию переселялись не только крестьяне, но и различного рода специалисты. В стране не хватало врачей. Через год Фридрих Гааз уже сделал блистательную карьеру, благодаря своим способностям и связям княгини Репниной в высших кругах светского общества.

Фёдор Петрович Гааз, так назвал он себя в России, занимался частной врачебной практикой и сам оперировал людей с глазными болезнями. Одновременно бесплатно лечил бедных в Староекатерининской и Преображенской московских больницах. В 1807 году, несмотря на посредственное знание им русского языка, Великая княгиня Мария Феодоровна добилась назначения его главным врачом московской Павловской больницы. Немного позже, в 1808-ом году, за заслуги врача он получил награду – императорский орден Владимира четвёртой степени (Wladimirkreuz IV), тем самым стал членом Рыцарского Ордена Святого Владимира и занял особое положение в обществе, получив дворянский титул, передаваемый по наследству (Adelstand). Этим званием он гордился, а орден всегда носил на лацкане своего сюртука. В то же время он не прекращал оказывать бесплатную помощь нищим больным и инвалидам.

Обладая пытливым умом, он не позволял себе отдыхать. Пример тому – поездка в 1809-ом году на Кавказ, где он совершил открытие в области курортологии, положив начало развитию этой науки в России. Именно Фёдор Петрович Гааз составил подробное описание лечебных качеств кавказских минеральных вод. В России, в Кисловодске и Ессентуках, вскоре были созданы курорты. В Ессентуках и по сей день есть действующий источник №23, который носит его имя. Фёдору Петровичу Гаазу принадлежит и открытие целебных минеральных источников в Старой Руссе. По следам этого открытия он написал книгу «Александровский источник/ Alexanderquelle» в 365 страниц о пользе минеральных источников. Она издана в 1811 году. О цели книги доктор Гааз говорит так: «Мои болезни породили этот труд; желание исцелять болезни других людей побудило его опубликовать». Научная работа Фёдора Петровича Гааза в этом направлении была завершена горным инженером И. П. Чайковским и Г. Раухом. Имя его вписано в историю развития кавказского здравоохранения настолько прочно, что и сегодня в городах Ессентуки и Железноводск есть улицы, названные его именем.

Во время войны 1812 года с Наполеоном Фёдор Петрович Гааз продолжил свою деятельность врача. А в 1814 году как полковой лекарь в составе русских войск оказался в Париже. На обратном пути ему представилась возможность посетить родной город Мюнстерайфель на Рейне. Он застал там больного отца, который у него на руках через несколько дней умер. В эти трагичные дни судьба предоставила ему ещё раз право выбора, так как появилась удобная возможность остаться на родине среди родных, но Гааз выбрал другой путь. Он вернулся в Россию, которая заменила ему дом и родину. Чувство долга перед неимущими больными двигало им при принятии этого решения. В то время ему исполнилось 34 года. Вернувшись в Москву, он прежде всего занялся написанием книги о болезнях и их лечении.

А в 1825-ом году московский градоначальник князь Дмитрий Владимирович Голицын предложил Фёдору Петровичу Гаазу, тогда уже коллежскому советнику, возглавить Главное аптекарское и медицинское управление города. Получив согласие, назначил его штатт-физиком и главным врачом города Москвы, в обязанности которого входило инспектирование больниц, а тем самым и выявление проблем, связанных с обеспечением лечебных заведений медикаментами. Князь ценил доктора Гааза не только за профессиональные качества, но и за трудолюбие, педантизм, высокое чувство долга, ответственность за порученное дело, честность и неподкупность.

Доктор Гааз с большим энтузиазмом взялся за дело. Обнаружив антисанитарию в больницах, потребовал проведения там дезинфекции и постоянных уборок помещений. Кроме того, занялся вопросом ремонта больниц и лекарственных складов. Предложил проведение ряда реформ. В результате проверок были выявлены многочисленные случаи воровства и другие злоупотребления чиновников на местах. В свою очередь они писали на него ложные доносы, называли в жалобах сумасшедшим немцем и оскорблениями довели до того, что в 1826 году Фёдор Петрович подал в отставку с государственной службы. Известно, что за короткое время на него было заведено 19 уголовных дел, все их он в течение 12 лет выиграл.

К концу 1820-ых годов Гааз постепенно оставил

доходную врачебную практику и целиком посвятил себя лечению бедных людей с тяжёлыми судьбами. К тому времени он уже был одним из богатейших и уважаемых людей столицы. Приобрёл особняк в центре Москвы на Кузнецком Мосту, владел имением Тишково с сотнями крепостных и суконной фабрикой, имел карету, запряжённую четырьмя белыми породистыми лошадьми.

1829-ый год стал для доктора Фёдора Петровича Гааза решающим. В этом году он был назначен князем Голицыным главным врачом по тюрьмам и вошёл в состав вновь созданного попечительного совета по тюрьмам. При первых же инспекторских проверках он установил, что заключённые содержатся в бесчеловечных условиях, без деления по возрастам, полам и тяжести содеянного. Их не мыли, почти не кормили, отхожие места не убирались. Помещения не отапливались. В таких антисанитарных условиях они становились источником эпидемий, в том числе – холеры, разразившейся в Москве в 1830-ом году.

В те годы массовым явлением стало этапирование осуждённых в Сибирь. И Москва была одним из пересыльных центров, где формировались группы. Средства на содержание в них заключённых почти не выделялись, а если и поступали, то разворовывались. Пересыльная тюрьма находилась тогда на Волхонке, на месте нынешнего Музея Изобразительных Искусств имени А. С. Пушкина. По настоянию Гааза её перевели из центра города на Воробьёвы горы.

Там в 20-е годы начали строить Храм Христа Спасителя, но вскоре работы свернули, а бараки для строителей остались. Вот в них Гааз и предложил устроить новую тюрьму и при ней госпиталь для немощных заключенных.

Судьба вновь предоставила ему право выбора между жизнью преуспевающего аристократа или борца за униженных и оскорблённых. К тому времени он уже достаточно владел русским языком. Его хорошо понимали люди, которые его окружали и к которым он проявлял сочувствие. Оказание помощи бедным и заключённым стало для него не актом милосердия, а выполнением долга перед людьми и государством. Именно по настоянию Фёдора Петровича Гааза, в тюрьме на Бутырке проложили дренажную систему, вымостили дорогу, а площадь засадили тополями. Деревянные полы заменили кафельными, а кровати стали панцирными. Во внутреннем дворе тюрьмы доктор Гааз распорядился построить церковь и несколько мастерских, одна из которых работает и сейчас. Благодаря его настоянию, политические заключённые и ссыльные получили право подачи прошений о пересмотре их дел. Для этого в России ввели целый чиновничий штат, задачей которого было сопровождение каждого прошения на всех этапах его рассмотрения.

Одним из примеров его подвижничества стало и то, что на средства, собранные Гаазом, в пересыльной тюрьме на Воробьёвых горах в 1832 году была учреждена больница для арестантов, а в 1836 году при этой тюрьме он открыл на свои средства школу для детей заключённых. Доктор Гааз был убежден, что между преступлением, несчастьем и болезнью есть тесная связь, а поэтому к виновному не нужно применять напрасной жестокости, к несчастному должно проявить сострадание, а больному необходимо призрение.

Семьёй он так и не обзавёлся ни в это время, ни позже. Но у него был воспитанник-сирота, еврейский мальчик Лейб Норман. Он был выслан из Литвы в военные поселения, по дороге заболел, попал в московскую больницу (Полицейскую, предназначенную для арестантов). Доктор Гааз сумел его оттуда вызволить, вылечил. Именно ему Федор Петрович Гааз писал известные сегодня слова: «Самый верный путь к счастью в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причём, чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому, как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии». Воспитанник вырос достойным своего воспитателя. Впоследствии Норман стал врачом в Рязани.

При изучении условий содержания подследственных и заключённых доктор Гааз поразились жестокости мер, применяемых по отношению к ним. Узнав, что людей приковывают тяжёлыми железными колодками к стульям, а на шеи надевают ошейники со спицами, и о том, что политическим заключённым, перед отправлением в ссылку в Сибирь сквозь наручники продевают длинный прут из железа, скрепляя людей парами и не учитывая разницу в возрасте, он организовал борьбу с кандалами и железными прутьями. В этом начинании его поддержал князь Голицын. В конечном итоге, ссыльным разрешили двигаться без прутьев, будучи закованными только в кандалы. Ножные кандалы в то время весили около шестнадцати килограммов, а ручные – шесть. Заботясь о здоровье заключённых, доктор Гааз добился изготовления более лёгких кандалов, испытав их на себе. Он мог ходить в кандалах неделями, подбирая их оптимальный вес и щадящие размеры. В конечном итоге, ножные кандалы стали весить не больше семи килограммов, а старых людей, по настоянию доктора Гааза, вообще освободили от их ношения. В те времена заключённым женщинам было принято сбивать половину волос с головы. Гааз добился отмены этого правила, попутно выделяя свои деньги на улучшение

жизни арестантов, в том числе и на «перековку» новых кандалов. Когда из Москвы в Сибирь отправляли очередную группу заключённых, он лично сопровождал каждую отправку, расспрашивал людей о том, в чём они нуждаются, помогал деньгами, пока они у него ещё были. Он и позже не прерывал связи со многими ссыльными, выполняя их просьбы и посылая им деньги и книги. Именно арестанты называли его «святым доктором», в благодарность за то, что он по-отечески относился к ним: снабжал отправляемых в ссылку не только съестными припасами, но также и добрым словом, Святым Писанием и нравоучительной христианской литературой.

В каждом из заключённых доктор Гааз видел страдающего Христа. В историю вошёл его разговор с митрополитом Филаретом. Однажды, размышляя о судьбах арестантов, Филарет высказал мнение о том, что человека не могут осудить невинно, и, если он находится в тюрьме, – значит, для того была веская причина. В ответ на эту фразу митрополита Гааз вскочил с места и воскликнул: «Владыка, как Вы можете такое говорить? Неужели Вы забыли о том, что Господь наш, Иисус Христос, был осуждён невинно?»

Однажды Гааз в очередной раз так нарушил покой чиновников своими обличениями, что они решили избавиться от «сумасшедшего иностранца», связавшего свою жизнь с «отбросами общества». Но поскольку Гаазу покровительствовали митрополит Филарет и князь Голицын, справиться с ним чиновникам и в этот раз не удалось. К тому же в 1848 году в Москве разыгралась новая эпидемия холеры, и Фёдор Петрович, как всегда, оказался в первых рядах борцов с эпидемией.

В конечном итоге, доктор Гааз продаёт особняк на Кузнецком Мосту и своё имение в Тишкове, (суконная фабрика к тому времени ему уже не принадлежала), а на вырученные деньги проводит благотворительные акции. Сам ведёт предельно простой образ жизни. Читаю в одном из воспоминаний: «Каждый день он, будучи католиком, молился перед распятием и изображением Девы Марии, скромно завтракал и отправлялся работать. С раннего утра он занимался бесплатным приёмом больных прямо у себя дома, потом ездил по тюрьмам (Пересыльная, Бутырка) и больницам (Екатерининской, Преображенской, Павловской и др.). После объезда всех подведомственных ему учреждений доктор Гааз возвращался обратно и вёл вечерний приём больных».

Об отношении доктора Гааза к заключённым лучше всего написал Фёдор Михайлович Достоевский в романе «Идиот», устами одного из героев увековечив память о святом докторе Гаазе:

«В Москве жил один старик, один „генерал“, то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьёвых горах её посетит „старичок генерал“. Он делал свое дело в высшей степени серьёзно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался пред каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех „голубчиками“. Он давал деньги, присылал необходимые вещи – портянки, подвёртки холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтёт неграмотному. Про преступление он редко расспрашивал, разве выслушивал, если преступник сам начинал говорить. Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребёнком на руках, он подходил, ласкал ребёнка, пощёлкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России

и по всей Сибири, то есть все преступники. Мне рассказывал один бывший в Сибири, что он сам был свидетелем, как самые закоренелые преступники вспоминали про генерала, а между тем, посещая партии, генерал редко мог раздать более двадцати копеек на брата».

Счастливым днём для Фёдора Петровича Гааза было открытие в мае 1845 года больницы на Воробьёвых горах. Построенное здание получило в народе название Газовка – от фамилии Гааз. Здесь он стал врачом бездомных, которым бесплатно оказывали скорую медицинскую помощь. Он лично беседовал с каждым пациентом, выяснял жизненные обстоятельства. После лечения люди не оставались на улице: пожилых определяли в дома призрения для стариков с хорошим уходом, детей пристраивали в обеспеченные и приличные семьи. С особой тщательностью Гааз и его коллеги подходили к выбору медицинского и обслуживающего персонала.

В 40-ые годы, когда число жителей Москвы уже превышало 350 тысяч, в городе числилось 75 «вольнопрактикующих» и 217 служащих врачей. Во время холерных эпидемий, количество заболевших доходило до пяти тысяч в месяц. Начались народные волнения. И тот же полицмейстер, который хотел выслать Гааза из Москвы, просил «добрейшего, почтеннейшего господина доктора успокоить простолюдинов, возбуждаемых слухами, будто начальство и лекари пускают холеру». И Гааз прямо из больниц шёл на площади, на улицы, где шумели толпы, уже готовые громить полицейские участки и карантинные посты. Его узнавали, встречали приветливо. Ему верили. И он уговаривал, успокаивал, объяснял, советовал, как уберечься от заболевания, как оказывать первую помощь больным.

Его медицинские познания и представления выросли на почве просвещения и любви к людям, но вместе с тем и глубоко религиозного мировоззрения. Он еще не мог ничего знать о природе инфекции, о микробиологии, но к модным тогда лекарственным средствам относился недоверчиво. Он был убежден, что такие болезни, как все «горячки» (то есть гриппы, ангины, тифы, воспаление легких и т. п.), а также холера вовсе «не прилипчивы» и что люди не заражаются ими при общении с больными, а заболевают потому, что дышат нечистым воздухом, едят нездоровую пищу, неопрятно живут, переохлаждаются, переутомляются, испытывают сильные душевные потрясения.

Гааз старался, чтобы его понимали все, даже неграмотные больные и санитары. Он ободрял молодых врачей, боявшихся заразы, приветствовал холерных больных поцелуями. Однажды даже сел в ванну, из которой вынули холерного больного. В другой раз – в больницу доставили крестьянскую девочку. Страшная язва изуродовала её лицо и была зловонна. Но доктор Гааз подолгу сидел у её постели, целовал девочку, читал ей сказки, не отходил, пока она не умерла. Словом и делом он доказывал, что врач должен облегчать страдания даже безнадежно больных, что «спокойствие души, необходимое для исцеления, должно исходить прежде всего от врача».

В последние годы и дни жизни Фёдор Петрович Гааз продолжал оставаться доктором бездомных, проживал рядом с ними в двухкомнатной квартире в Полицейской больнице. Там же он и умер в 1853-ем году. После смерти оставил после себя письменный стол, который сегодня можно увидеть в этой же больнице в музее. Там же находятся его серо-белая волчья шуба, которая знакома была в Москве даже бандитам, несколько рублей, тапочки и потёртая подзорная труба. Оказывается, в свободное время этот удивительный доктор любил смотреть на звёзды.

О нём при жизни создавались легенды, которые до сих пор передаются жителями Москвы из поколения в поколение. Например, о том, как он ловко умел подбрасывать нуждающимся

денежные кошельки, чтобы не обидеть их, как целовал больных холерой, а позже и тифом, показывая работникам, что они не заразны, как регулярно посещал московский «убойный» рынок и всякий раз находил там абсолютно разбитую лошадь, выкупал её, подлечивал и осторожно ездил на ней в своей старенькой коляске.

В те далёкие годы, наполненные страданиями от войн, эпидемий, социальной несправедливости и тяжёлых жизненных условий, о нём уже знал почти каждый московский нищий, убогий, преступник, политический заключенный. Им он в течение полувека отдавал свои знания, душевное тепло, последние рубли капитала, нажитого врачебной практикой. И это неслучайно, что двадцатитысячная толпа провожала его 28 августа 1853 года в последний путь на Введенское немецкое кладбище в Москве, куда и сегодня проложена народная тропа, а на оградке его могилы как символ благодарности вмонтированы кандалы, доставленные заключёнными. А во дворе Полицейской, позже Александровской больницы, установлен бюст великого гуманиста, созданный в 1909 году знаменитым скульптором Николаем Андреевым. В 1998 году на пожертвования, собранные на родине Фридриха Гааза в Бад-Мюнстерайфеле, установлен памятник, являющийся копией московского памятника 1909 года.

К немногочисленным знакам памяти о святом докторе в 2017-ом году добавилась столичная улица, названная его именем. Некоторые жители называют её небольшой, но по словам москвича В. В. Кузнецова, «её так не назовёшь, потому что она очень длинная. Просто БОльшая её часть проходит по краю леса и поэтому одна из её сторон не застроена. Находится она на расстоянии всего лишь полутора остановок городского транспорта от известного кинолуба-музея Эльдара Рязанова. В Немецкой школе имени Гааза, которая находится на этой улице и числится при посольстве ФРГ в Москве, учились и две дочери В. В. Путина».

В 1984 году на немецкий язык переведена книга Льва Копелева «Святой доктор Федор Петрович Гааз». Она вышла в Германии с предисловием Генриха Бёлля, в котором он писал: «Гааз учит нас различать добродушие, которое в большинстве своём есть элемент лени, и доброту, которая беспокойна и предполагает глубину чувств». Примером этого является жизнь доктора Гааза, отданная людям без остатка. В начале 2020-го года главный редактор издательства Московской Патриархии епископ Русской Православной Церкви Николай Балашихинский (Погребняк) издаёт книгу «Спешите делать добро. Доктор Фёдор Гааз», в которой жизнь святого доктора описана с точки зрения духовной. Знаменательно то, что презентация этой книги состоялась в Москве в мемориальной комнате-музее доктора Гааза в историческом здании созданной им в 1845-ом году больницы, бывшей Полицейской, впоследствии Александровской, ныне – Научно-исследовательского института гигиены и охраны здоровья детей и подростков.

Жизненный путь и творчество Великого князя Константина Романова (1858 – 1915)

«Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю».
«Царь иудейский», автор – К.Р.)

До сегодняшнего дня не каждый знает, кому принадлежит литературный псевдоним К.Р. «Это – тот самый случай, – пишет московский писатель В. В. Кузнецов, – когда об этом поэте все знают всё, и в то же время никто ничего не знает. Я и сам слышал о нём, ещё будучи школьником, но до сих пор прочитал из него немного».

Впервые псевдоним К.Р. появился в журнале «Вестник Европы» в 1882-ом году под стихотворением «Псалмопевец Давид». Много лет он принадлежал человеку, имя которого было известно только узкому кругу людей. В год смерти К.Р., 1915-ый, был выпущен трёхтомник стихов, в который вошли произведения, написанные поэтом в течение тридцати лет жизни. Среди них – стихи, элегии, поэмы, драмы, такие как «Возрождённый Манфред», «Себастиан-Мученик». В одном из томов нашли своё почётное место и переводы поэта: лучший, по его мнению, перевод «Гамлета» Шекспира, над которым он работал двенадцать лет, «Мессинская невеста» Шиллера, «Ифигения в Тавриде» Гёте и другие.

Кругозор тем его произведений, начиная от пейзажной лирики и заканчивая философско-религиозной, широк и многообразен. Темы органично сплетаются воедино уже в его ранних произведениях, написанных в восьмидесятые годы девятнадцатого века. Интересен в этом плане цикл стихов «У берегов», написанный весной 1879 года. Эти стихи могли бы стать примером пейзажной лирики поэта, если бы не мысли его о вечном. Поэт ощущает красоту мира, чувствует дыхание природы. Первое стихотворение этого цикла Рахманинов положил позже на музыку:

«Задремали волны,
Ясен неба свод,
Светит месяц полный
Над лазурью вод...»

Волны в стихах поэта «дремлют», появляются и другие неожиданные метафоры и олицетворения. Описание природы переходит на описание состояния человека, его изменений во времени и пространстве.

Всё прекрасно в мире, описываемом поэтом: «серебристое море трепетно горит... так и радость горе ярко озарит». В одном из стихотворений К.Р. называет себя баловнем судьбы, в то время остро ощущая изменения в связи с меняющейся атмосферой в воздухе. «Радость горе озарит» ... Где вы слышали такое? Разве такое бывает?

Эта тема находит продолжение и в стихотворении К.Р. «Затишье». В Афинах, проводя много времени у моря, поэт наблюдает за полётом чаек. Увиденное приводит его к мыслям, выраженным в поэтических строках:

«И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди
Лишь испуганно, где-то глубоко,
В задремавшем уме притаясь,
О минувшем мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...»

Для поэта характерны воспоминания о минувшем. Порой они настигают его, заставляют пересматривать пережитое.

Пора открыть тайну непосвящённому читателю. Под псевдонимом К.Р. в течение столетия скрывается Великий князь Константин Константинович Романов, внук Николая I, президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Родился он 10 августа 1858-го года в Стрельне под Петербургом. Ушёл из жизни 2 июня 1915-го года в своём кабинете в Павловске. Похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости. Его отец – младший брат Александра II Константин Николаевич (1829 – 1892), сын Николая I – генерал-адмирал, управляющий флотом и морским ведомством на правах министра, много сделавший для реформы русского флота, дипломат, государственный деятель, покровитель искусств.

Мать Константина Романова – Александра Иосифовна, 1830 – 1911, (Alexandra Friederike Henriette Pauline Marianne Elisabeth von Sachsen-Altenburg.), урождённая принцесса Саксен-Кобургская, дочь герцога Иосифа (1789 – 1868) Саксен-Альтенбургского и его жены принцессы Амалии из Вюртемберга.

В семье будущего государственного деятеля, поэта, драматурга, переводчика Константина Романова царили любовь, уважение к ближнему и беспредельная вера в Божий промысел. Он был второй сын из пяти детей Константина Николаевича Романова. Отношения в семье, в силу характера отца и особенностей его судьбы, были сложными. Подрастая, дети ощущали напряжённую духовную и интеллектуальную атмосферу. Дневники Великого князя рисуют образ матери, как женщины сдержанной, умевшей противостоять ударам судьбы, понимавшей долг перед Россией. Она имела своё мнение, умела отстаивать свои политические симпатии. Развитое чувство собственного достоинства помогало ей в трудные минуты жизни защищать себя и интересы семьи. Взаимная поддержка, дружба, общность духовных интересов – давали детям силу для становления и формирования личности.

Большая часть жизни Константина Константиновича проходит в помещениях дворцов, принадлежащих отцу: Мраморном, Павловским и Стрельной. С семи лет воспитателем ему назначен капитан 1-го ранга И. А. Зеленой, занимающий эту должность до совершеннолетия князя. По семейной традиции Константин Константинович Романов становится морским офицером и в девятнадцать лет уже участвует в Русско-турецкой войне. «За заслуги в Русско-турецкой войне Великий князь Константин Константинович награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, медалью „За войну 1877—1878 гг.“, Русским крестом за переход через Дунай, болгарскими и сербскими орденами. Отец сыном гордился и рассказывал в обществе, как Костя участвовал в рекогносцировках, как подготавливал уничтожение турецкого моста, строившегося у Силистрии, как с отрядом юнкеров спустил брандер на турецкий пароход под огнем батарей и стрелков всей силистрийской оборонительной линии». (Э. Матонина, Э. Говорушко. «К.Р.» ЖЗЛ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.